

Н. Бунаков

**Народные былины о русских
могучих богатырях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Бунаков**
Народные былины о русских могучих богатырях / Н. Бунаков – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 150 с.

ISBN 978-5-4241-7005-8

Чтение для народа и народных школ.

ISBN 978-5-4241-7005-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Объяснительное слово.

„Былинами“ или „старивами“ называются древнія народныя русскія пѣснопѣнія о давно-минувшихъ событіяхъ народной жизни. „Былина“ или „старина“ и значить пѣсня о минувшемъ, о быломъ, о старинѣ.

Въ народѣ испоконъ вѣку сохранялись воспоминанія о такихъ переворотахъ, событіяхъ и лицахъ минувшаго, которыя особенно поражали его по своему благодѣтельному или губительному вліянію на жизнь,—о чрезвычайныхъ радостяхъ и страшныхъ бѣдствіяхъ, о нашествіи враждебныхъ племенъ, о разореніи и порабощеніи, о продолжительной и тяжелой борьбѣ съ врагами, объ освобожденіи отъ вражескаго ига, о бѣдственныхъ домашнихъ раздорахъ, междоусобіяхъ, смутахъ и неурядицахъ, объ отрадномъ водвореніи порядка и спокойствія, о злодѣяхъ, возмутителяхъ и поработителяхъ, о герояхъ—защитникахъ и спасителяхъ своего народа. Первоначально лица и событія запоминалось и переходили въ народной памяти изъ поколѣнія въ поколѣніе, приблизительно въ томъ самомъ видѣ, каковы они были на самомъ дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, какими казались современникамъ, видѣвшимъ этихъ лицъ, пережившимъ эти событія. Но современемъ, переходя изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, преданія, во первыхъ, перепутывали воспоминанія народа: сливались событія и лица разныхъ временъ и совершенно различныя, не зависящія одно отъ другаго; дѣло одного лица приписывалось другому; сближались лица, которыя никогда не встрѣчались между собой на самомъ дѣлѣ; иногда перепутывалось время или мѣсто, иногда дѣйствующія лица, а то и самыя дѣйствія. Во вторыхъ, преданія, ненамѣренно, безсознательно, измѣ-

няли и образы отжившихъ людей: любимцы и благодѣтели народа обращались въ чудесныхъ героевъ правды и добра, враждебныя и ненавистныя личности—въ отвратительныхъ чудовищъ, и. т. п. Въмѣстѣ съ тѣмъ, эти преданія, мало по малу, облекались въ опредѣленныя, часто въ пѣсенныя формы, и въ этой формѣ они стали сохраняться въ памяти пѣвцовъ ужъ почти безъ измѣненій въ теченіе многихъ столѣтій; сохраняются и теперь. Такъ у насъ въ народѣ сложились пѣсни о быломъ, пѣсни о старинѣ, называемыя „былинами“ и „старинами“. Кто именно сочинилъ, сложилъ ту или другую былину? Этого нельзя сказать. Каждая былина складывалась постепенно, измѣнялась, дополнялась, обрабатывалась пѣвцами и слушателями, пока не приобрѣла прочной неизмѣнной формы. Выходить, что былины созданы не отдѣльными сочинителями, а народомъ; онѣ созданіе и достоиніе не отдѣльныхъ лицъ, а всего народа. Потому-то и говорятъ, что былины представляютъ собой устную исторію народа, имъ самимъ созданную, и обнаруживаютъ отношеніе народа къ своему прошедшему.

Пѣвцы русскихъ былинъ существуютъ и до сихъ поръ, преимущественно въ сѣверныхъ и сибирскихъ губерніяхъ; сами себя они называютъ „сказителями.“ Замѣчательно, что между ними рѣдко попадаются грамотныя; они не записываютъ былинъ, а только сохраняютъ ихъ въ своей памяти и передаютъ свое наслѣдство другимъ устно. Однимъ изъ лучшихъ „сказителей“ считается здравствующій и понинѣ старикъ—врестьянинъ Оловецкой губерніи Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ*, перенявшій свои былины, съ ихъ напѣвами, отъ своего дяди и другаго сказителя, жившихъ въ началѣ текущаго столѣтія. Напѣвы былинъ очень просты. У каждаго пѣвца-сказителя для всѣхъ былинъ два или три напѣва, но они разнообразятся ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, повышеніемъ или пониженіемъ голоса, который звучитъ то торжественно, то протяжно и уныло, то игриво и весело. Въ старину пѣніе былинъ было обычаемъ, принадлежностью и княжескихъ пировъ, и семейныхъ праздниковъ, раздавалось въ городахъ и селеніяхъ, въ домахъ, на площадяхъ и на улицахъ. Послѣ татарскаго погрома оно призамогло и ушло на дальній сѣверъ и востокъ, гдѣ былины сохранились въ народѣ до самаго послѣдняго времени. Наконецъ, не очень давно, любители и ученые люди стали записывать ихъ и

печатать; появились въ печати богатые сборники былинъ—Кирши *Данилова*, *П. Н. Рыбникова*, *П. В. Киртеевскаго* и др. Предлагаемая книжка и есть извлечение изъ этихъ сборниковъ; въ ней былины, записанныя разными лицами, преимущественно въ сѣверныхъ губерніяхъ и въ Сибири, по возможности, приведены въ стройное и связанное цѣлое, но не подверглись никакимъ произвольнымъ искаженіямъ и передѣлкамъ.

Въ былинахъ повѣствуется о богатыряхъ. „*Богатырь*“—человѣкъ, одаренный необыкновенною силою и отвагою, совершающій смѣло и удачно разные подвиги, дѣянія, которыя не подъ-силу людямъ обыкновеннымъ; самое слово „богатырь“, своими звуками, напоминаетъ слова: *Богъ и богатый*.

Между русскими богатырями, о которыхъ повѣствуютъ былины, различаютъ богатырей старшихъ и младшихъ. *Старшіе* богатыри относятся къ самому отдаленному времени народной жизни и очень мало походятъ на обыкновенныхъ людей. Они—олицетворенія разныхъ силъ и явленій жизни, а не люди изъ народа, не живые представители его, какъ младшіе богатыри.

Таковъ, напримѣръ, *Святогоръ*, которымъ начинается предлагаемый сборникъ. Это громадный богатырь, образъ котораго уловить невозможно: онъ „выше лѣсу стоячаго, головой подпираетъ облако ходячее“, „не съ вѣтъ ему силой помѣряться“, „а сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается“, „грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“,—такъ бы „всю землю и поднять“. Видна какая-то страшная сила, могучая, но не творящая, а разрушающая, бродячая и напрасно бременящая землю.

Святогоръ—бродячая, кочевая до-историческая Русь. Земля, которую Святогоръ затѣялъ поднять, овладѣваетъ этой грубой бродячей силой, такъ сказать, приковываетъ ее къ себѣ, какъ только эта сила соприкасается съ землею. Земледѣіе, тѣсно связанное съ осѣдлымъ бытомъ, даетъ дикой бродячей силѣ кочевниковъ-звѣролововъ такое направленіе, что она изъ силы разрушающей становится силою производящею, творящею.

Таковъ смыслъ былины про Святогора-богатыря, въ которой рассказывается, что Святогоръ съ своею силою „въ землю угрызъ“: она отражаетъ переходъ народа отъ дикаго кочеваго быта къ осѣдлому земледѣльческому быту.

Въ одной изъ былинъ про Илью Муромца иначе рассказывается о кончинѣ Святогора: онъ самъ легъ въ гробъ и передъ смертью, чувствуя, что ему пора умирать, часть своей силы передалъ Ильѣ, богатырю-крестьянину. Смыслъ остается тотъ-же: окончилась пора бродячаго, кочеваго быта, и та же сила, которая прежде бродила безъ толку, напрасно бременила землю, — идетъ на дѣло земское, которому служить крестьянинъ Илья Муромецъ. Сила та же, да иной ея духъ, иной характеръ, иное направленіе; Святогоръ-богатырь, и Муромецъ-богатырь, но богатрство его — иное, съ инымъ духомъ, съ иными наклонностями и стремленіями.

Къ числу старшихъ богатырей принадлежатъ также — *Микулушка Селяниновичъ* и *Вольга Святославовичъ*. Былина, повѣствующая о встрѣчѣ этихъ богатырей, отражаетъ позднѣйшія событія и перевороты въ народной жизни, а именно — столкновение и сближеніе двухъ новыхъ силъ, заступившихъ мѣсто умершей, угрызшей въ землю дикой кочевой силы, сближеніе двухъ новыхъ началъ, земскаго и государственнаго. Кочевая, разрушающая сила выродилась въ творящую силу земскую; а отъ земледѣльческаго быта одинъ шагъ до государственнаго, — рядомъ съ земской силой, сама собой нарождается сила государственная, и объѣмъ этимъ силамъ необходимо, для общаго блага, сблизиться, соединиться, чтобы поддерживать другъ друга. Олицетвореніемъ земской силы въ былинѣ является *Микулушка Селяниновичъ*, богатырь-ратай, пахарь. Пашетъ онъ обширное, неоглядное поле: „въ край онъ уѣдетъ — другаго не видать“, — обширное поле и еще не пропаханное, новъ: ему приходится „коренья, каменья вывертывать, а большіе — то каменья въ борозду валить“. Это обширное поле — вся Русская земля, вся ея ширь и гладь неоглядная. Былина, созданная народомъ, по своему украшаетъ богатыря земской силы, какъ любимое созданіе народнаго творчества: лошадь у ратая Микулушки соловая, сошка кленовая, гужики шелковые; голосъ его такъ раздается по раздолью русскаго поля, что Вольга еще не видитъ ратая, а голосъ его слышитъ, и слишкомъ два дня онъ долженъ ѣхать полемъ, чтобы встрѣтиться съ этимъ ратаемъ лицомъ въ лицу. Но главное украшеніе богатыря-ратая — его сила, не та обыкновенная богатырская сила, которая проявляется въ ратныхъ удачахъ молодецкихъ, а совсѣмъ особенная, своеобразная,

которая проявляется иначе и въ иныхъ случаяхъ. Поѣхалъ Микулушка въ городъ за солью, а горожане стали притѣснять его, потребовали „грошей подорожныхъ“, т. е. пошлины;—ратай, признавая такое требованіе дѣломъ несправедливымъ, разбойничьимъ (онъ и называетъ горожанъ „разбойниками“), побилъ горожанъ. Надо землю пахать, коренья выкорчивать, камни выворачивать,—здѣсь Микулушка обнаруживаетъ такую силу и ловкость, что никакой богатырь съ нимъ не сравнится. Надо сошку „съ земельки повыдернуть, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и припротать сошку за ракитовъ кустъ“, чтобы сберечь ее „для мужика-деревенщины“,—напрасно сіяются сдѣлать это дружинники Вольги Святославовича, люди ратные,—ни пять, ни десять, ни всѣ они вмѣстѣ не могутъ справиться съ сохой, а Микулушка-ратай взялъ сошку одной рукой, съ земельки повыдернулъ, земельку повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ. Проявляясь только въ извѣстныхъ случаяхъ, сила ратая Микулушки не хвастлива, не заносчива и чуетъ свою слабость, непригодность во всякомъ другомъ дѣлѣ, кромѣ дѣла земскаго, крестьянскаго. Потому-то Микулушка является такимъ скромнымъ передъ богатыремъ-дружинникомъ Вольгой. Потому-то и на вопросъ Вольги объ имени—онъ сперва говоритъ о своей крестьянской работѣ, о своихъ земскихъ трудахъ и заслугахъ („а я ржи вапашу“ и т. д.), за которые ему дано и самое имя.

Дружинникъ *Вольга Святославовичъ* — олицетвореніе государственной силы. Онъ, и своимъ именемъ, и характеромъ, напоминаетъ Вѣщаго Олега гѣтописи. Былина представляетъ Вольгу мудрымъ, а мудрость эта, во первыхъ, состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ нагнать страхъ даже на природу, умѣетъ обращаться щукой-рыбой и ходить въ глубокихъ моряхъ, сѣрымъ волкомъ рисовать въ чистыхъ поляхъ, птицей-соколомъ летать подъ оболока, и отъ него въ страхъ уплываютъ рыбы, убѣгаютъ звѣри, улетаютъ птицы. Во вторыхъ, мудрость его состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ и стремится водворить порядки въ Русской землѣ при помощи дружины своей, которая ему предана и повинуется безпрекословно. Выучился онъ „всякой мудрости“, собралъ дружину и поѣхалъ съ ней устанавливать порядки. Встрѣтивъ въ полѣ богатыря-ратая Микулушку, Вольга съ перваго раза относится къ

нему свысока, даже имени его не знает, да и знать не хочет, просто называет его „ратай-ратаюшко“, въ то время какъ этотъ ратай-ратаюшко величаетъ его Вольгой Святославовичемъ: видно, что богатырь-ратай здѣсь свой человѣкъ,—какъ же ему, хозяину не знать имени гостя, пришлаго,—а можетъ быть—и приглашеннаго дружинника? Но познакомившись поближе съ богатыремъ-ратаемъ, мудрый богатырь-дружинникъ тотчасъ сообразилъ, что эта сверхъестественная сила пригодится ему: онъ зоветъ „ратай-ратаюшка“ къ себѣ „въ товарища“ и любопытно узнаетъ его имя и отечество.

Младшіе богатыри,—настоящіе, живые люди,—только одаренные большимъ запасомъ силъ, физическихъ и нравственныхъ, но съ обыкновенными человѣческими добродѣтелями и пороками, привычками, потребностями и наклонностями. Одинъ изъ нихъ хвастливъ, другой пьяница, третій щеголь, у четвертаго „глаза завидующіе, руки загребушія“ и т. под. Младшіе богатыри относятся къ позднѣйшему времени народной жизни, сравнительно съ богатырями старшими. Одни изъ нихъ живутъ и дѣйствуютъ въ Киевскомъ княжествѣ, окружаютъ князя Владимира Красное Солнышко, служатъ князю и народу, оберегая Киевскую Русь. Другіе живутъ и дѣйствуютъ въ Великомъ Новгородѣ. Поэтому, между младшими богатырями различаются богатыри Киевскіе и Новгородскіе.

Киевскіе богатыри, какъ уже было сказано, группируются около князя Владимира, котораго былины величаютъ „Краснымъ Солнышкомъ“ и называютъ „ласковымъ“ княземъ. Но о самомъ князѣ въ былинахъ говорится мало. Дѣятельность его состоитъ только въ томъ, что онъ собираетъ богатырей около себя, устраиваетъ для нихъ пиры, ласково принимаетъ и угощаетъ ихъ, отправляетъ на службу, на разные подвиги, иногда сватаетъ и женитъ. Радущіе, гостеприимство, ласковость, привѣтливость—вотъ черты, характеризующія князя Владимира, какимъ онъ представляется въ былинахъ. Извѣстно, что такимъ-же представляетъ его и лѣтопись, такъ что здѣсь былина совершенно согласна съ лѣтописью. Самъ князь Владиміръ въ былинахъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ; героями, совершающими ихъ, являются исключительно окружающіе его богатыри; но чувствуется, что безъ него не было бы ни этого богатырства, ни этихъ подвиговъ на благо Русской

земли: князь Владимиръ является связующимъ началомъ, дѣйствительнымъ „солнышкомъ“, безъ котораго все бы завяло, отжило, рассыпалось въ прахъ. Въ немъ сосредоточена та благая и вѣрная государственная власть, которая собираетъ и направляетъ народныя силы для блага земли.

Въ чемъ-же заключается дѣятельность богатырей, окружающихъ ласковаго князя Владимира Красное Солнышко, состоящихъ на службѣ князю и Русской землѣ? Они ведутъ постоянную борьбу съ внутренними и вѣшними врагами Русскаго государства и народа. Внутренніе враги въ былинахъ представляются въ образахъ чудовищъ—*Соловья-разбойника*, *Змья-Горыныча*, *Тугарина Змеевича*, *Идолница* поганого. Это, прежде всего, вредящія силы суровой сѣверной природы, съ которой приходилось бороться Русскому народу, а затѣмъ—язычество, упорно враждовавшее противъ христіанства, и разбойничьи шайки, которыя такъ усиливались, при слабости государственной власти, что съ ними надо было вести настоящую войну. Вѣшніе враги—чужіе богатыри и чужія силы—*Жидовичь-богатырь*, *Калинь* царь, съ несмѣтными силами, *Чудь* бѣлоглазая, *Сорочина* долгополая, *Калмаки* со *Татарами*, *Чукчи* и *Алуторы* и т. п. Это—тѣ инородческія племена, съ которыми Русскій народъ, дѣйствительно, велъ упорную борьбу въ первыя столѣтія государственной жизни, отстаивая свою самостоятельность и свою землю, защищаясь отъ ихъ хищническихъ набѣговъ и постепенно расширяя свои владѣнія, ради огражденія своей безопасности.

Во главѣ Кіевскаго богатырства стоитъ *Илья Муромецъ*, богатырь—крестьянинъ, любимецъ народа; его богатырскимъ поѣздкамъ и подвигамъ посвящена большая часть Кіевскихъ былинъ. Подвиги его—подвиги самого народа; его качества и характеристическія черты—идеальныя представленія о желательномъ достоинствѣ истинно русскаго человѣка, усвоенныя народомъ по отношенію къ самому себѣ.

Прежде всего, *Илья Муромецъ*—человѣкъ съ любящимъ, добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ; ему и богатырство, могучая сила и молодецкая удаля, дано прохожими странниками, послѣ тридцати—лѣтнаго неподвижнаго сидѣнія, за готовность на дѣло милосердія. Онъ—благочестивый христіанинъ, про котораго можно

сказать русской пословицей, что онъ „безъ Бога ни до порога“. Онъ — хороший, почтительный сынъ и принимается за дѣло не иначе, какъ испросивъ родительское благословеніе. Онъ—усердный и вѣрный слуга князя и русской земли и никогда не измѣняетъ своему долгу—ни изъ страха и самосохраненія, ни изъ корысти и властолюбія,—его ничѣмъ не подкупишь, не соблазнишь, не испугаешь. Онъ и во главѣ Киевскаго богатырства встаетъ не только за огромную физическую силу, но также за простоту и честность крестьянскую, за вѣрную службу князю и дѣлу государственному, земскому и народному.

Илья Муромецъ прокладываетъ прямоѣзжія дороги, разчищая лѣса и болота, которыми изобилуетъ Русская земля, разгоняетъ воровъ-разбойниковъ, побѣждаетъ и Соловья-разбойника, и поганое Идолице, и Жидовина—богатыря, и Калина царя, съ его несмѣтными силами угрожающаго Киеву. Богатыри изъ другихъ сословій не обладаютъ такой силой и такимъ мужествомъ, чтобы справиться и съ суровой сѣверной природой, и съ внутренними недругами христіанской Руси и порядка, и съ инопорядками—кочевниками, этими естественными внѣшними врагами молодого государства. Но, кромѣ того, прочіе богатыри страдаютъ разными слабостями и пороками, которые не коснулись сѣрой крестьянской среды, простаго и близкаго къ природѣ земледѣльческаго люда.

Надежнѣе другихъ *богатырь-бояринъ Добрыня Никитичъ*, племянникъ самого князя Владиміра, богатырь, у котораго „вѣжество рожденное и ученое“, т. е. и наслѣдственное, данное рожденіемъ, и приобрѣтенное ученіемъ, воспитаніемъ. Онъ побѣдилъ Змѣя Горыныча, Чудь бѣлоглазую, Сорочину долгополую и проч.; но въ немъ обнаруживается то излишняя самонадѣянность, то внезапная робость, то боярская щепетильность, и не всякій подвигъ ему по плечу: отъ богатыря—Жидовина онъ просто убѣжалъ, поддавшись чувству самосохраненія и страха. Другой богатырь боярскаго рода, *боярскій сынъ Гришка*, любитъ похвастать: „боярскіе роды хвастливые“, говоритъ Илья,—расхвастается бояринъ,—и дѣла не сдѣлаетъ, и себя погубитъ по напрасному. Богатырь-бояринъ *Старъ Годимовичъ* хвастовствомъ чуть не погубилъ себя; только любящая жена выручила его и посовѣтовала ему—впередъ не увлекаться

хвастовствомъ. *Богатырю*—дѣяку, *грамотню Василию Ипатьевичу*, мѣшаютъ — его неловкость, неповоротливость, помы длинныя, да пристрастіе къ вину: „по землѣ ходитъ Васьва, говоритъ Илья,— заплетается, погибнетъ Васьва по—напрасному“. Онъ пьяница, и любимое мѣсто его—„кружало“, кабакъ. Если надо найти Ваську, его ищутъ въ кружалѣ. Но за то онъ грамотѣй и ловкій посоль, искусно, замисловато выполняющій посольскія порученія. Сила и отвага у него являются больше подъ вліяніемъ вина и не всегда встаетъ. У богатыря *Алеша Поповича* больше дерзости и нахальства, нежели силы и богатырскаго мужества; съ этой дерзостью онъ склоненъ не столько къ честному богатырскому бою, сколько къ дерзкимъ выходкамъ и къ наглому обману. Такъ онъ поступилъ, напримѣръ, съ Настасьей Микудишной, сообщивъ ложную вѣсть о смерти Добрыни Никитича; такъ поступилъ онъ съ Тугариномъ Змѣвичемъ и съ каліеками переходыми: ложь, обманъ—ему ни почемъ. Кромѣ того, „захлѣпшевыи“, по выраженію былинны, Алѣша любитъ вдорить и ругаться, „вѣжество его не рожденное“; а глвная бѣда—въ томъ, что у него „глаза завидушіе, руки загребушія“.

. И подавно не можетъ равняться съ Ильей *богатырь-бродяга*, *Пѣтчикъ Михайло Ивановичъ*: какъ бродяга, онъ не привязанъ къ землѣ и къ земскому дѣлу, да—кромѣ того—любитъ, подобно *Василию Игнатьевичу*, ходить по кабакамъ и пьянствовать. А о *богатырь шеголь и красавицъ Чуриль Пленковичъ* ужъ и говорить нечего: гдѣ ужъ равняться съ проставомъ-мужикомъ избалованному франту, передъ которымъ несутъ „подсолнечникъ“, чтобы солнце не сожгло его лица, когда онъ идетъ по городу?

Одинъ крестьянинъ Илья Муромецъ—богатырь безъ пороковъ и слабостей: благочестивый христіанинъ, почтительный сынъ, вѣрный слуга князя и Русской земли, онъ могучъ и отваженъ безъ хвастовства и грубой дерзости, безкорыстенъ, прямодушенъ—и непобѣдимъ. Вотъ почему онъ по праву занялъ первое мѣсто въ средѣ Киевскихъ богатырей, окружающихъ ласковаго князя Владиміра Красное Солнышко. Но и при дворѣ князя, во главѣ киевскаго богатырства, онъ остается тѣмъ же проставомъ-мужикомъ, съ грубоватыми мужицкими ухватками, съ деревенской простотой, съ рабочей земской силой. Добрыня—бояринъ смотритъ

на врага въ трубочку серебряную, а Илья „въ кулакъ молодецкій“. Сбираясь въ путь для истребленія Идолица поганого, обулъ Илья „лапотки шелковые“. Выпивши на пиру у князя Владимира, когда его „маленько ошабурило“, онъ поломалъ скамьи дубовыя, погнулъ сваи желѣзныя, попривалъ всѣхъ бояръ, купцовъ и богатырей, такъ что и самъ князь Владимиръ „за печку задвинулся, собольей шубой закинулся“,—настоящій мужикъ деревенщина... И сила его все таки въ землѣ-же. Въ борьбѣ съ богатыремъ Жидовиномъ онъ поскользнулся и упалъ; совсѣмъ было покончилъ съ нимъ Коварскій великанъ, да на бѣду свою замѣшвался, не поторопился отрубить ему буйну голову, затѣялъ надѣваться надъ лежащимъ врагомъ, а между тѣмъ — „*лежучи на землѣ* у Ильи втрое силы прибыло“, и вышелъ онъ изъ борьбы побѣдителемъ, благодаря матери-землѣ, доброй кормилицѣ и неистощимой силохранилищницѣ богатыря-крестьянина.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на двухъ „*богатырей-женщинъ*“, которыя являются въ былинахъ. Это дочери Микулушки Селянниновича. Онѣ представляются могучими богатырями, но богатырство не измѣнило ихъ женской природы. Младшая, *Настасья Микулишна*, устояла въ бою съ могучимъ богатыремъ Добрыней Никитичемъ, но ее побѣдила любовь: она полюбила Добрыню, вышла за него замужъ и стала доброй, вѣрной, любящей женой. Старшая, *Василиса Микулишна*, является любящей и преданной женой богатыря-боярина *Ставра Годиновича*; но обязанности семейныя не убили въ ней богатырства, и когда съ мужемъ, съ „любимою семеюшкой“, съ „законною державушкой“, случилась бѣда, это богатырство дало ей возможность выручить изъ бѣды Ставра Годиновича.

Среди своихъ богатырей, въ былинахъ являются *богатыри заязьіе*, гости, котыре тоже стремятся къ ласковому князю Владимиру. Таковы — *Дюкъ Степановичъ* изъ Волынца, Красна Галичья, торговый человекъ, поразившій Кіевъ своимъ богатствомъ, и *Соловей Будимировичъ* изъ-за моря, изъ города Леденца, искусный гусларь, женихъ племянницы князя, прекрасной *Запави*.

Кіевское богатырство погибаетъ подъ напоромъ какой-то „нездѣшной силы“, какъ рассказывается въ былинѣ о томъ, „съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси“. Что же это за „нездѣшняя сила?“ По поводу этого вопроса само собой приходитъ